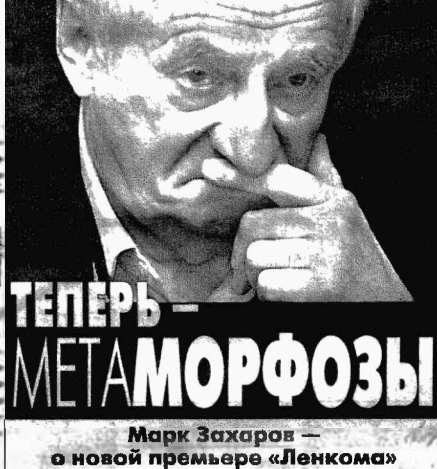
ТЕАТР: **ИЗ ПЕРВЫХ УСТ**

РАНЬШЕ БЫЛИ ПЯТИЛЕТКИ,



ТЕПЕРЬ — МЕТАМОРФОЗЫ

Марк Захаров — о новой премьере «Ленкома»

Для Марка Захарова, главного режиссера театра «Ленком», нынешний год — дважды юбилейный. Во-первых, знаменитому режиссеру исполняется семьдесят лет. И тридцать из них Марк Анатольевич руководит «Ленкомом». Накануне двойного юбилея и очередной премьеры Марк Захаров рассказал нашему корреспонденту Андрею Кучерову о том, как шла работа над новым спектаклем — тем самым, что вот-вот должен увидеть свет рампы.

— Самая большая сложность после спектакля, который имел большой зрительский успех и хорошую прессу (а именно таким оказался «Шут Балакирев»), состоит в том, чтобы найти новый проект. Проект, не просто привлекающий зрителей, — у нас все спектакли имеют аншлаг. Сложность заключается в том, чтобы отыскать тему, которая смогла бы заинтересовать сегодняшнего сверхинформированного зрителя. Зрителя, устающего от обилия всей той информации, порой экологически небезопасной, что на него обрушивается. Чтобы зритель с интересом следил за динамикой процессов, происходящих на подмостках, и не ушел в антракте домой... Когда я вижу, что спектакль идет без антракта, я отдаю должное интеллекту режиссера — вне зависимости от его одаренности. И поэтому, наконец-то [illegible] потому как уйти в середине действия из зала довольно сложно...

У каждой профессии есть своя профессиональная — и у режиссеров тоже. У нас это безапелляционность, амбиции, выходящие порой в мессианские пространства. И еще — страх начала работы после успешного спектакля. Вдруг будет хуже? Я теоретически понимаю, что бояться этого не надо — но тем не менее решение «Шута...» два раза принималося за работу над некими театральными проектами, от которых потом довольно быстро отказывался. Отказывался, проанализировав их возможность сломать некоторые зрительские стереотипы. Отказывался наперед, объясняя ситуацию артистам. Слава богу, я оставлял проекты на самом раннем этапе, после первых читок, а не когда начинались серьезные траты...

И вот теперь премьера довольно близка. Спектакль будет называться «Плач палача». Это сценическая фантазия на тему двух пьес. Первая — римейк старой радиопьесы Дюрренматта «Ночной разговор». Вторая — пьеса Ануя «Орфей и Эвридика». Обе они объединяются в единую сценическую структуру. Непросто объяснить, почему я выбрал именно Дюрренматта и Ануя, да еще скрестил их. Я начал с Дюрренматта. Это старая радиопьеса. В ней есть вопросы взаимоотношений человека и государства, человека и социума, человека, который пытается бороться с проявлениями государственной силы и власти. И мне показалось, что это это интересно и, что называется, злободневно. Пьеса переписана театром, но оставлены предлагаемые обстоятельства: действующие лица и сюжет. Плюс к тому — мне давно советовали обратить внимание на пьесу Ануя. Ануй сродни близким мне драматургам: Евгению Шварцу, Григорию Горину. Тем писателям, что использовали уже готовые сюжеты, мифы и создавали свои собственные версии коллизий героев — Мюнхгаузена, Тиля Уленшпигеля...

В спектакле будут заняты в главных ролях Александр Абдулов и Леонид Броневой, а также молодые актеры — Мария Миронова, Александр Лазаревмладший и студентка моей режиссерской мастерской актерской труппы Российской академии театрального искусства Ирина Денисова.

Первоначально спектакль назывался «Метаморфозы», и это имело очевидное объяснение. Время сейчас меняется чрезвычайно быстро. Раньше мне казалось, что я не ошибся по каких-то изменений. В шестидесятые, семидесятые годы были у меня, конечно, смутные провидческие подозрения, что когда-нибудь — в конце двадцать первого или в двадцать втором веке — в России изменится отношение к религии, будет рыночная экономика, многопартийность... Но дальше подозрений — и мечтаний! — дело не шло. А сейчас мы попали в такой исторический водоворот событий, связанный с новой информационной цивилизацией... И ситуация столь быстро меняется, что если раньше мы считали время по пятилеткам, потом по годам, потом по месяцам, то ныне ситуация по своему событийному ряду — в планетарном масштабе — принципиально меняется ежедневно. Отсюда и родилось это слово «метаморфозы» — то есть постоянное изменение. А в театре это самое интересное: когда на глазах у зрителей происходит какая-то динамика — иногда таинственная и не сразу, может быть, понятная, но со своей внутренней, железной логикой радикальных, неожиданных изменений...